

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕХОВСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Буняева М.В.

В статье рассматриваются художественные произведения А.П. Чехова с точки зрения содержания в них материала, значимого для психологической науки, дополняющего и обогащающего ее. Утверждается тот факт, что творчество писателя не просто обладает психологизмом, естественно ему свойственным, но свои художественные тексты Чехов часто использует для выражения научных воззрений, касающихся психологической науки, что определяет необходимость исследований по данному предмету. Анализируются значимые для психологического рассмотрения художественные тексты писателя.

Ключевые слова: психология и психологизм, психологический анализ в литературе, патографический рассказ, интровертивный и экстравертивный типы.

Художественные произведения А.П. Чехова являются не только его творческим наследием для литературы, но и богатейшим материалом для психологической науки. Исследования творчества писателя, проводимые в области литературоведения и на сегодняшний день преобладающие, используют понятие психологизма (или «психологического анализа в литературе», что является синонимом термина) чеховских произведений, придавая им функцию психологического воздействия, тем самым сводя их значение к построению особого эмоционального тона (см. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы: Кн. для учителя. – М.: Просвещение, 1988. – 176 с.). При этом психологической наукой зачастую упускается из вида тот факт, что личность Антона Павловича, такая загадочная и многогранная, включает в себя не только Чехова-литератора, но в числе остальных ипостасей также Чехова-ученого, исследователя, Чехова-психолога. Его круг общения, помимо прочих, состоял из людей, имеющих прямое отношение к науке, в том числе к науке психологии. Достаточно привести в пример зоопсихолога, профессора петербургского психоневрологического института и основателя отечественной сравнительной психологии В.А. Вагнера или русского невропатолога, психиатра и психолога Г.И. Россолимо, с которыми Чехов вел научные беседы и которые, несомненно, явились для писателя значимым источником получения необходимых психологических знаний.

Таким образом, наличие знакомств Антона Павловича в научном мире, его известный интерес к психологической науке, психоневрологии и психиатрии, а также анализ некоторых его художественных

произведений заставляют утверждать, что творчество писателя не просто обладает психологизмом, естественно ему свойственным, но свои художественные тексты Чехов часто использует для выражения научных воззрений, касающихся психологической науки, что определяет необходимость исследований по данному предмету.

Наука и литература в своих процессах сциентизации и беллетризации текстов представляют собой два разнонаправленных вектора. А.П. Чехов как опытный стратег лавировал между этими двумя векторами, то сциентизируя свои художественные произведения (в качестве яркого примера здесь служит «Остров Сахалин» с его четкой функцией научного текста), то вновь возвращаясь к беллетристике. Среди современников Антона Павловича можно выявить, по крайней мере, две фигуры писателей, чьи тексты отличаются своей направленностью к научным и чьи судьбы так или иначе связаны с Чеховым. Во-первых, это французский писатель Э. Золя, прославившийся значимостью роли в нашумевшем в то время деле Дрейфуса, которое не могло не затронуть и Чехова. «Вы пишете, что Вам досадно на Золя, а здесь у всех такое чувство, как будто народился новый, лучший Золя. В этом своем процессе он, как в скипидаре, очистился от наносных сальных пятен и теперь засиял перед французами в своем настоящем блеске. Это чистота и нравственная высота, каких не подозревали», – писал Чехов Суворину в 1898 г. [5, Письма, Т. 7, с. 166]. Золя знаменит образованием так называемой «натуралистической школы», в которую вошли еще и такие писатели, как Ги де Мопассан, Ж.К. Гюисманс [3]. Суть направления заключалась в перенесении

в литературу приемов научного исследования (в частности, Золя опирался на работы знаменитого физиолога К. Бернара), писатель, принадлежащий данной школе, становился в процессе создания произведений ученым-экспериментатором. Золя называл «экспериментальный роман» логическим следствием научной эволюции своего времени [1].

Следует упомянуть о таком современнике Чехова, как А.М. Скабичевский, который, будучи историком русской литературы, либеральным критиком и одним из ведущих сотрудников «Отечественных записок», известен своей работой, посвященной исследованию каторги, где он анализирует и чеховский «Остров Сахалин» [4]. Скабичевский написал статью под названием «Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне», которая была опубликована в журнале «Русская мысль», № 9 за 1898 г. В ней публицист проводит критический разбор посвященных каторге и ссылке работ А.П. Чехова, Ф.М. Достоевского, П.Ф. Якубовича (писавшего под псевдонимом Мельшин) и С.В. Максимова. Несмотря на довольно резкие высказывания Скабичевского по поводу творчества Чехова, в рассматриваемой работе критик отмечает «Остров Сахалин» как научно-серьезное и обстоятельное произведение, которое включает «в себе... исследование быта каторжных и поселенцев на острове Сахалин, этого последнего нового слова русской каторги» [4, с. 72]. Скабичевский в своей статье говорит о резком различии трактатов А.П. Чехова (а также Максимова) от сочинений Достоевского и Мельшина. Различие это, согласно публицисту, состоит в том, что у Достоевского и Мельшина в рассматриваемых текстах отсутствуют научные исследования и обобщения, тогда как у Чехова (и Максимова) они есть [там же]. Таким образом, Скабичевский утверждает научность чеховского произведения.

Чехов, стремящийся написать научный труд, переносил это свое стремление в художественные тексты, а многочисленные знакомства писателя с учеными, среди которых были психологи, несомненно, сыграли в этом немаловажную роль. Как результат, в художественном наследии Чехова мы видим богатый научно-творческий материал, который существенно дополнит психологическую науку.

И действительно, рассказы писателя имеют в ряде случаев диагностический характер и коррелируют с разработками того времени в области психологии и психиатрии. Чехов гордился, что в своих произведениях он научно точно воспроизводит психозы, неврозы, неврастении. В художественном наследии писателя есть ряд патографических рассказов: «Скучная история», «Припадок», «Черный монах», «Палата № 6» и др. – в них Чехов часто использует медико-психологические термины, а также описывает душевные расстройства практически по стадиям

их развития. Например, в письме А.Н. Плещееву от 13 ноября 1888 г. Чехов пишет о своем рассказе «Припадок»: «Мне как медику кажется, что душевную боль я описал правильно, по всем правилам психиатрической науки» [5, Письма, Т. 3, с. 68]. И действительно, этапы нервного расстройства студента Васильева, потрясением для которого становится посещение публичного дома, прослеживаются достаточно четко, что побуждает рассмотреть данный пример патографического рассказа. Итак, изначально нервное потрясение переживается героем следующим образом: «Ему уж казалось душно и жарко, и сердце начинало биться медленно, но сильно, как молот: Раз! Два! Три! Пойдем отсюда! – сказал он, дернув художника за рукав» [5, Соч., Т. 7, с. 207]. Осознание ненормальности состояния и его нарастания приходит к студенту по дороге домой: «Оставшись один, Васильев быстро зашагал по бульвару. Ему было страшно потемок, страшно снега, который хлопьями валил на землю, и, казалось, хотел засыпать весь мир; страшно было фонарных огней, бледно мерцавших сквозь снеговые облака. Душою его овладел безотчетный, малодушный страх. Попадались изредка навстречу прохожие, но он пугливо сторонился от них. Ему казалось, что отовсюду идут и отовсюду глядят на него женщины, только женщины... Начинается у меня, – думал он. – Припадок начинается...» [там же, с. 214]. Своего пика нервное расстройство достигает, когда герой оказывается дома: «Дома лежал он на кровати и говорил, содрогаясь всем телом: – Живые! Живые! Боже мой, они живые! – Он всячески изощрял свою фантазию, воображал себя самого-то братом падшей женщины, то отцом ее, то самою падшею женщиною с намазанными щеками, и всё это приводило его в ужас» [5, Соч., Т. 7, с. 215]. И, наконец, развязкой истории припадка становится приобретение нервным расстройством устойчивого состояния: «Когда было светло и на улице уже стучали экипажи, Васильев лежал неподвижно на диване и смотрел в одну точку... Всё внимание его было обращено на душевную боль, которая мучила его. Это была боль тупая, беспредметная, неопределенная, похожая и на тоску, и на страх в высочайшей степени, и на отчаяние. Указать, где она, он мог: в груди, под сердцем; но сравнить ее нельзя было ни с чем... Полежав, он встал и, ломая руки, прошелся не из угла в угол, как обыкновенно, а по квадрату, вдоль стен. Мельком он поглядел на себя в зеркало. Лицо его было бледно и осунулось, виски ввалились, глаза были больше, темнее, не подвижнее, точно чужие, и выражали невыносимое душевное страдание» [там же, с. 217–218].

Следующее произведение, на примере которого хотелось бы показать точность передаваемого Чеховым душевного расстройства по его симптоматике – «Скучная история». На протяжении всей

повести, рассказывая о событиях прошлого и настоящего, главный герой – профессор перемежает свою историю самоописаниями, являющимися, по сути, историей болезни. Интерес представляет тот факт, что такие самоописания, находимые читателем в тексте, так же, как и в вышерассмотренном произведении «Припадок», выстроены Чеховым в виде нарастающей симптоматики. Для наглядности примера представляется необходимым привести соответствующие отрывки из повести. Так, сначала читателю дается возможность проанализировать пограничное состояние психики героя, причиной которого, на первый взгляд, является пожилой возраст Николая Степановича, причем сам профессор объясняет это свое состояние упадком умственной деятельности: «Память моя ослабела, в мыслях недостаточно последовательности, и, когда я излагаю их на бумаге, мне всякий раз кажется, что я утерял чутье к их органической связи, конструкция однообразна, фраза скудна и робка. Часто пишу я не то, что хочу; когда пишу конец, не помню начала. Часто я забываю обыкновенные слова, и всегда мне приходится тратить много энергии, чтобы избежать в письме лишних фраз и ненужных вводных предложений – то и другое ясно свидетельствует об упадке умственной деятельности. И замечательно, чем проще письмо, тем мучительнее мое напряжение» [5, Соч., Т. 7, с. 252]. Следующий эпизод доказывает наличие у профессора душевного расстройства: «От бессонницы и вследствие напряженной борьбы с возрастающей слабостью, со мной происходит нечто странное. Среди лекции к горлу вдруг подступают слезы, начинают чесаться глаза, и я чувствую страстное, истерическое желание протянуть вперед руки и громко пожаловаться» [там же, с. 264]. Далее Чехов через своего персонажа описывает «высший градус» нервного возбуждения, которое «обыкновенно после обеда» приобретает устоявшийся периодический характер: «Я начинаю без причины плакать и прячу голову под подушку. В это время я боюсь, чтобы кто-нибудь не вошел, боюсь внезапно умереть, стыжусь своих слез, и, в общем, получается в душе нечто нестерпимое» [там же, с. 280]. Для Чехова в этом произведении характерна яркость воспроизведения данной симптоматики во всех ее проявлениях: «Вся кровь вдруг отливает от моего мозга, из глаз сыплются искры, я вскакиваю и, схватив себя за голову, топоча ногами, кричу не своим голосом: – Оставьте меня! Оставьте меня! Оставьте!... – Ноги мои немеют, точно их нет совсем, я чувствую, как падаю на чьи-то руки, потом недолго слышу плач и погружаюсь в обморок, который длится часа два-три» [там же, с. 297]. И, наконец, следующий отрывок представляет завершенность развития болезни: «Щупаю у себя пульс и, не найдя на руке, ищу его в висках, потом в подбородке

и опять на руке, и всё это у меня холодно, склизко от пота. Дыхание становится всё чаще и чаще, тело дрожит, все внутренности в движении, на лице и на лысине такое ощущение, как будто на них садится паутина» [там же, с. 301].

Имевшийся у Чехова большой интерес к такой области медицины как психиатрия не мог не воплотиться в художественном наследии писателя. И в связи с этим невозможно не упомянуть о широко известной повести «Палата № 6». Уже в самом начале произведения появляется точное и четкое описание протекания такой болезни, как мания преследования, которой страдает один из обитателей палаты Иван Дмитрич Громов: «Он всегда возбужден, взволнован и напряжен каким-то смутным, неопределенным ожиданием. Достаточно малейшего шороха в сенях или крика на дворе, чтобы он поднял голову и стал прислушиваться: не за ним ли это идут? Не его ли ищут? И лицо его при этом выражает крайнее беспокойство и отвращение... Иногда по вечерам он запахиивается в свой халатик и, дрожа всем телом, стуча зубами, начинает быстро ходить из угла в угол и между кроватей. Похоже на то, как будто у него сильная лихорадка. По тому, как он внезапно останавливается и взглядыивает на товарищей, видно, что ему хочется сказать что-то очень важное... но скоро желание говорить берет верх... Речь его беспорядочна, лихорадочна, как бред, порывиста и не всегда понятна... Когда он говорит, вы узнаете в нем сумасшедшего и человека. Трудно передать на бумаге его безумную речь» [5, Соч., Т. 8, с. 74–75].

Научная психологичность художественных текстов А.П. Чехова отмечалась и обсуждалась еще современниками писателя, его рецензентами, критиками. Например, после выхода в свет рассказа «Убийство» большинство его рецензентов признало психологическую убедительность описания переживаний персонажей: известно мнение одного из рецензентов «Книжек недели», который отметил, что «психологический процесс, выпуклость характеров... рассказа замечательны, как всегда» [5, Соч., Т. 9, с. 483]. Драматург В.А. Тихонов в письме к Чехову от 8 марта 1890 г. в связи с выходом рассказов «На пути» и «Дома» называет писателя психологом, отмечая: «Психолог и “На пути” и “Дома” проследит за каждым извивом души человеческой» [5, Соч., Т. 6, с. 643].

Рецензент сборника «В сумерках», оставшийся анонимным, писал, что Чехов «является не только психологом и тонким наблюдателем, но и настоящим художником» [5, Соч., Т. 6, с. 639].

К.Г. Юнг в докладе «Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству» (1922) утверждал, что предметом психологии может являться только часть искусства, охватывающая процесс художественного образотворчества, тем самым

определяя своеобразие взаимосвязи областей искусства и психологии, которые, взаимодействуя между собой в этом ключе, в остальном имеют совершенно разную векторную направленность. Говоря о процессе художественного творчества, Юнг различает две различные по существу возможности протекания этого процесса. В первом случае (интровертивный тип по Юнгу) произведение пишется художником сознательно, намеренно, писатель придерживается в творчестве своих определенных целей; вторая (экстравертивная) установка, напротив, предполагает, что появление продуктов творческой деятельности происходит спонтанно, независимо от намерений творца (представляет собой прорыв голоса само-сти). При этом Юнг замечает, что и «сознательно творящий художник (воспроизводящий процесс образотворчества первого типа, – прим. М.Б.) тоже может находиться в плену у своего создания» [6], например, «когда художник, намереваясь сказать нечто, более или менее явственно говорит больше, чем сам осознаёт» [там же]. Исходя из воззрений Юнга и анализа творческого наследия А.П. Чехова, можно утверждать, что, несмотря на умелое и намеренное использование в творчестве психологических инструментов, писатель оставался если и не в плену, то в тесной взаимосвязи с литературой, о чем он сообщил в письме Ф.О. Шехтелю 19 апреля 1893 г.: «Я по уши ушел в чернильницу, прирос к литературе, как шишка... будь у меня миллион, мне кажется, я издал бы сто тысяч книг» [5, Письма, Т. 5, с. 203]. И ведь дей-

ствительно, по правомерному замечанию чеховеда М.П. Громова, «чтобы написать все, что вошло теперь в тридцатитомное собрание сочинений, нужно было и впрямь “уйти в чернильницу”, годами не отрываться от письменного стола» [2, с. 12].

В связи со всем вышеизложенным представляется необходимым сделать вывод о том, что А.П. Чехов, по праву являясь психологом от литературы, внес в психологию значительный вклад, что определяет для науки важность проведения исследований по данной тематике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов И., Клеман М. Золя // Литературная энциклопедия: в 11 т. – М., 1929–1939. – Т. 4. – С. 356–374.
2. Громов М.П. Вступительная статья // Переписка А.П. Чехова: в 2 т. – Т. 1. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1984.
3. Золя Э. // Онлайн энциклопедия «Кругосвет». – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/ZOLYA_EMIL.html
4. Скабичевский А.М. Каторга пятьдесят лет тому назад и ныне // Русская мысль. – 1898. – № 9.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. – М.: Наука, 1974–1983.
6. Юнг К.Г. Об отношении аналитической психологии к поэтико-художественному творчеству / пер. В.В. Бибихина. – URL: http://wanderer.org.ua/book/psy/jung/alh_i_tvorch.html